

© О.А. ПАЦЮКОВА

olalpa@mail.ru

УДК 811.161.1

СЛОЖНЫЙ АФФИКС И СМЕЖНЫЕ С НИМ ЯВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В полиаффиксальном слове морфемные границы исторически изменчивы. В процессе переразложения основы производного слова в языке образуются сложные морфемы из материала простых морфем (последовательности аффиксов). Природа и структурно-семантические особенности сложного аффикса неоднозначны. Сложные суффиксы образуются из морфов одной части речи и различных частей речи; из простых суффиксов, не тождественных по значению, и синонимичных суффиксов; из морфем исконно русских, иноязычных и смешанных по происхождению. Вторичный аффикс является сложным, протяженным по форме. Его структурная сложность определяется количеством простых морфов, которые его образуют. Однако сложный аффикс является простым по семантике, поскольку в результате переразложения первичный морф аффиксальной последовательности утрачивает свое значение. Сравнительная характеристика сложного и простого аффиксов показывает, что они различаются по форме, но, как правило, тождественны по значению. Простой и сложный суффиксы нередко различаются и своей сочетаемостью.

SUMMARY. The borders of a morpheme are historically variable in a polyaffixal word. In the process of restructuring complex morphemes are formed from the material of simple morphemes (a sequence of affixes). The nature and peculiarities of the structure and semantics of the complex affix are ambiguous. The complex suffixes are formed from morphs belonging to one part of speech and to various parts of speech; from simple suffixes not identical to the meaning, and synonymous suffixes; from simple morphemes of Russian, foreign and mixed origin. The secondary affix is complex, prolonged in form. The quantity of simple morphs determines its structural complexity. But the complex affix has a simple semantics, because the primary morphs in the sequence of affixes lose their meaning as the result of restructuring. A comparative analysis of the complex and simple affixes shows that their form is different, but the meaning, as a rule, is identical. The simple and complex suffixes often differ in their combinability.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Морфемная структура слова, переразложение, сложный аффикс, субморф.

KEY WORDS. Word structure, metanalysis, complex affix, submorph.

Открытый И.А. Бодуэном де Куртенэ закон «о сокращении основ в пользу окончаний» стал убедительным доказательством того, что морфемная структура слова исторически изменчива. Изменение членимости слова в связи с перемещением морфемных границ, которое В.А. Богородицкий назвал переразложением, является источником пополнения языка новыми служебными морфемами, в частности, сложными аффиксами. Наличие в языке простых аффиксов и сложных аффиксов, сформировавшихся на базе простых, ставит проблему их разграничения, поскольку одна и та же фонологически тождественная аффиксальная последовательность может иметь в слове различную интерпретацию. Вопрос

о словообразовательной и морфемной структуре полиаффиксальных производных является одним из наиболее сложных и дискуссионных, поэтому осмысление и описание природы сложных аффиксов представляется весьма актуальным.

Появление новых структурных единиц — сложных аффиксов — процесс непрерывный в истории развития языка, зародившийся в далеком прошлом. По мнению Ю.С. Азарх, генетически все славянские суффиксы со структурой «гласный+согласный» являются сложными, и появились они вследствие слияния однофонемных консонантных суффиксов с детерминативами именных основ [1; 22]. Того же мнения придерживается З.А. Потиха: «Большинство современных продуктивных суффиксов существительных и прилагательных исторически образовалось от однозвучных суффиксов путем переразложения» [2; 34]. Таким образом, в современном языке аффиксальные словообразовательные морфы большей частью вторичны по структуре. Наиболее регулярным способом образования сложного форманта является левое распространение суффикса за счет производящей основы: «...звуки, находящиеся перед суффиксом... будут остатками старых суффиксов и в редких случаях звуками старого корня» [3; 81].

Поскольку сложные аффиксальные морфы возникают в результате объединения в один формант двух и более простых морфов, необходимо отличать сложный аффикс от фонологически тождественной последовательности аффиксов, являющейся результатом многоступенчатого словообразовательного процесса. Поэтому Г.О. Винокур призывает каждый конкретный случай подвергать индивидуальному истолкованию, анализируя «в свете того конкретного соотношения, которое отыскивается для него в общем лексическом запасе языка» [4; 430]. Так, в глаголах *сотрудничать*, *мельничать* элемент *-нича-* представляет собой последовательность двух суффиксов (*-нич-+а-*), каждый из которых является структурным показателем определенной словообразовательной ступени и имеет вполне определенное словообразовательное значение: *труд* → *со-труд-ник* ('лицо') → *сотруднич-а/ть/* ('быть кем') — 'быть сотрудником какого-л. учреждения' [5], *молоть* → *мель-ник* ('лицо') → *мельнич-а/ть/* ('быть кем') — 'быть мельником' [6]. В других словах фонологически тождественная последовательность *-нича-* представляет собой единый сложный суффикс: *скряжничать* 'быть скрягой' [5], *пекарничать* 'быть пекарем' [5] (подробнее см. об этом [7]).

Как верно замечает Г.О. Винокур, «было бы ошибкой думать, что всюду, где имеем звуко сочетание, состоящее из первоначального суффикса и звукового комплекса, в известных случаях отходящего к суффиксу от основы, каждый раз видеть именно этот осложненный вариант суффикса» [4; 430]. Свидетельством того, что последовательность аффиксов превратилась в сложную морфему, служит функционирование последней в качестве самостоятельного словообразовательного форманта, неделимого не только семантически (словообразовательное значение 'быть кем' выражается всем звуковым комплексом *-нича-*), но и формально, так как предшествующий аффикс уже не может быть частью мотивирующей основы (в языке отсутствуют слова **скряжник*, **пекарник*). Совокупность однородных морфем («членимые комплексы морфов») следует видеть там, где «каждой из составных частей сложного комплекса можно приписать значение, с которым она повторяется в других словоформах» [8; 36].

Последовательность аффиксов, на базе которых формируются сложные словообразовательные средства, может быть представлена морфами одной части речи, например существительных (*-ин/а/ +к/а/*, *-ник/Ш/ +ств/о/*), прилагательных

(-ин/Ш/+ск/ий/, -ов/ый/+ат/ый/), или морфами различных частей речи: прилагательного и существительного (-н/ый/+ость/Ш/), существительного и прилагательного (-ист/Ш/+ск/ий/), существительного и глагола (-ств/о/+ова/ть/), глагола и прилагательного (-ова/ть/+нн/ый/) и т.п.

Внутрисловные аффиксальные последовательности как результат нанизывания морфов могут быть представлены не только различными по значению словообразовательными аффиксами (см. примеры выше), но и тождественными или, чаще, синонимическими аффиксами. Словообразовательные модели с нанизыванием семантически сходных, но материально, как правило, различных аффиксов называют *аффиксальной редупликацией*, которая наблюдается исключительно в словах одной и той же части речи. Системному описанию этого явления посвящена монография О.Ю. Крючковой [9], в которой подробно описываются модели аффиксального удвоения имен и глаголов, многие из которых стали источником формирования сложных суффиксальных формантов. Так, на основе редупликационной модели абстрактно-именных суффиксов -ств/о/+иј/э/ образовался сложный суффикс -ствиј/э/ (*спокойствиј/э/*, *равноденствиј/э/*), на базе регулярной словообразовательной модели -к/а/+к/а/ сложился и неуклонно увеличивает свою продуктивность формант -очк/а/ (*звездочк/а/*, *тросточк/а/*). Таким образом, «суффиксальные удвоения приобретают формантные функции и применяются в акте словопроизводства как целостные морфемные комплексы» [9; 183].

Еще одно направление в образовании новых сложных аффиксов (на которое обратили внимание В.В. Лопатин и И.С. Улуханов) — контаминация суффиксальных морфов. Так возник суффикс -ловк/а/ (*забегаловка*, *уравниловка*) в результате взаимодействия двух суффиксов — -лк/а/ (*мигалка*, *зажигалка*) и -овк/а/ (*листовка*, *голодовка*), тоже производных [10; 198-199].

Сложные морфы возникают не только на исконно русской почве. В результате осложнения структуры иноязычного суффикса русским суффиксом, ассимилирующим данное слово в языке, появляются смешанные (по происхождению), или гибридные, суффиксы, о чем обстоятельно пишет В.С. Гимпелевич. Так появился сложный глагольный суффикс -ирова/ть/ (*баррикадирова/ть/*, *аргументирова/ть/*), в котором элемент -ир- соответствует фр. суффиксу -er (*barricad-er*) или нем. суффиксу -ier/en/ (*argument-ier/en/*), сложный суффикс существительных -этк/а/ (*вуалетк/а/*, *статуэтк/а/*), где иноязычный элемент -эт- соответствует фр. суффиксу -ette (*voil-ette*, *statu-ette*), сложный суффикс прилагательных -арн/ый/ (*дисциплинарн/ый/*, *фрагментарн/ый/*) и пр. [11; 209, 210]. Последовательность «иноязычный суффикс+русский суффикс», в которой иноязычный морф всегда находится в препозиции, явилась источником формирования многих сложных суффиксов, пополнивших морфемный корпус русского языка.

Наконец, сложные аффиксы могут быть исключительно иноязычными по своей природе. Они заимствуются только в составе слов, нередко подвергаясь при этом модификации фонетического, графического и структурного порядка, вследствие которой изменяются границы суффиксов на русской почве по сравнению с языком-источником. Так, выделение в словах *пенсионер*, *акционер*, *миссионер* и т.п. сложного суффикса -онер вместо -er, как в языке-источнике (англ. -er, нем. -dr, фр. -aire), связано с переразложением в основах заимствованных слов, которое объясняется различием фонетико-графического оформления

производящих основ в языке-источнике и русском языке (ср.: англ. *pension-er*, нем. *Aktion-är*, фр. *mission-aire* и русск. *пенси-онер* ← *пенси/я/*, *акци-онер* ← *акци/я/*, *мисси-онер* ← *мисси/я/*) [11; 208].

Структурная (формальная) сложность вторичных аффиксов напрямую зависит от количества аффиксальных морфов, образующих фонологически тождественную последовательность, которая легла в основу формирования нового аффикса: ср., например, суффиксальные морфы прилагательных *-тельн-* (*-тель-+н-*) и *-ительн-* (*-и-+тель-+н-*) в *извинительный* и *зрительный* (*нерв*), глагольные морфы *-ича-* (*-ич-+а-*) и *-нича-* (*-н-+ич-+а-*) в *подличать* и *дерзничать*.

В лингвистической литературе по отношению к сложному аффиксу иногда используется термин «опрощение», что, на наш взгляд, не совсем корректно. Так, А.А. Реформатский опрощением называет «тесную спайку морфем в одно целое при фузии» [12; 213], Г.А. Пастушенков — «превращение сочетания морфем, выступающего в функции словообразовательного форманта, в одну морфему» [13; 60], у А.Н. Гвоздева опрощение выражается «в слиянии двух суффиксов в один» [14; 124]. Поскольку термин «опрощение» традиционно используется в языкознании по отношению к основам, которые утратили производность и стали морфологически нечленимыми, то распространение этого термина на аффиксальные морфемы значительно расширяет его понятийное содержание. Удачное объяснение такому пониманию опрощения нашел И.А. Ширшов, заметив, что рост сложных суффиксов можно назвать «опрощением в переразложении», поскольку возникнув в результате последнего процесса, они сходны с первым десемантизацией суффикса, предшествующего конечному [15; 21].

Таким образом, сложный аффикс представляет собой единицу словообразовательного уровня языка, сложную по форме, так как она образуется из двух (трех) морфем, но простую по семантике вследствие погашения значения первичного аффикса. Так как одной единице плана содержания соответствуют две (реже три) единицы плана выражения, сложный аффикс характеризуется непараллельностью означающего и означаемого.

Вариантные формы суффиксов, как называет сложные суффиксы Г.О. Винокур, с первоначальным суффиксом «полностью совпадают по функции, но отличаются своим звуковым составом, притом так, что известная часть звукового состава суффикса остается неизменной» [4; 429]. Таким образом, обладая тождественным значением, простой и сложный аффиксы различаются формой. Для обозначения того сегмента сложного морфа, который утратил свою семантику, В.В. Лопатин использует термин «субморф», под которым понимаются «отдельные части морфов, не имеющие самостоятельной семантической функции и лишь участвующие в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом», но которые «обладают вместе с тем самостоятельной формальной (морфонологической) значимостью» [16; 57].

Отношения между простым и сложным аффиксом не столь однозначны, как кажется на первый взгляд. В.В. Лопатин и И.С. Улуханов отмечают, что «вторичные аффиксальные морфы, в составе которых выделяются субморфы, совпадающие с самостоятельными первичными морфами, вступают с этими морфами в разнообразные отношения» [10; 192]. С одной стороны, сложный аффикс может не отличаться от соответствующего простого аффикса ни по семантике, ни по члестеречной сочетаемости с мотивирующими основами. Таковы, например, суф-

фиксальные морфы *-ова-/-ирова-* в отсубстантивных глаголах со значением 'наделять чем-либо': *глазуровать, никелировать*; суффиксальные морфы *-ск-/-овск-* в прилагательных, мотивированных именами существительными: *январский, мартовский* и др. В этом случае простой и сложный аффиксы являются морфами одной морфемы и представляют один словообразовательный тип. С другой стороны, сложный аффикс может обособляться от простого аффикса «либо семантически (выражая, как правило, более узкое значение), либо по своей частеречной сочетаемости, либо по обоим этим признакам» [10; 192]. При этом простой и сложный аффиксы представляют собой разные морфемы и образуют разные словообразовательные типы.

В лингвистической литературе приводятся примеры семантических различий между уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к/а/* (*березка, рыбка*) и исключительно ласкательным суффиксом *-оньк/а/* (*березонька, рыбонька*), между сложным суффиксом *-няк*, выражающим собирательное значение (*ивняк, дубняк*) и простым суффиксом *-ак(-як)*, имеющим более широкое предметное значение (*земляк, ветряк*) и др. Однако следует заметить, что сложный суффикс *-няк* имеет не только собирательное значение. Например, существительное *столбняк* 'состояние полной неподвижности' [5] выражает абстрактное значение, а существительное *степняк* 'человек, постоянно живущий в степи' [5] является конкретным. Считать ли эти примеры исключением из правила или признать тот факт, что у сложного суффикса не столь узкая семантика, а следовательно, нет и семантического обособления? В то же время простой суффикс *-к/а/* может вовсе не иметь уменьшительного значения (*ночка*), выражая чистую ласкательность, как и сложный суффикс *-оньк/а/* (*ноченька*). Поэтому, несмотря на семантическое обособление сложного суффикса, возможно, существует зона пересечения, в которой семантика простого и сложного аффиксов может оказаться тождественной. Высказанные суждения позволяют говорить о том, что семантическое обособление простых и сложных аффиксов еще требует тщательного изучения.

В отличие от сложных суффиксальных морфов, сложные префиксальные морфы имеют значение, не равное простому префиксу. Так, значение сложного префикса *обез-* (*обезжирить*) представляет собой сумму значений префиксов *о-* ('совершенство') и *без-* ('лишение'), у префиксов *небез-* и *недо-* значение отрицания признака (*не безвредный*) или действия (*не доплатить*) преобразуется в значение небольшой степени признака (*небезвредный*) и неполноты действия (*недоплатить*).

Частеречная сочетаемость простого и сложного аффиксов нередко бывает различной. Примером могут служить суффиксы с отвлеченным значением *-ств/о/* и *-тельств/о/*. Поскольку суффикс *-тельств/о/* сформировался на основе существительных с суффиксом *-тель*, которые в языке мотивируются только глаголами, то сложный суффикс *-тельств/о/* сочетается с основами глаголов (*пресмыкаться — пресмыкательство*), в то время как простой суффикс *-ств/о/* сопрягается не только с глагольными основами (*воровать — воровство*), но также с основами прилагательных (*лукавый — лукавство*) и существительных (*донор — донорство*). При этом сложный морф принадлежит тому же аффиксу, что и соответствующий простой морф, но лишь в одном из словообразовательных типов (в нашем примере это тип отглагольных существительных), в то время как простой аффикс, сочетаясь с основами разных частей речи, выступает в разных словообразовательных типах.

Таким образом, сложный аффикс может быть тождествен либо не тождествен простому аффиксу по семантике и частеречной сочетаемости, но всегда различен с последним по форме, которая является более протяженной. А поскольку семантика так называемого сложного аффикса, как правило, не усложняется, напротив, остается простой, то термин «сложный аффикс», на наш взгляд, является не очень удачным для наименования данной единицы языка. Целесообразнее использовать термин «протяженный аффикс», введенный в научный обиход И.А. Ширшовым [15], поскольку определение «протяженный» в составе терминологического сочетания подчеркивает сложность именно формы аффикса, а не его содержания.

Завершая сравнительную характеристику сложного аффикса с простым морфом и сочетанием морфов, отметим, что сложный аффикс вступает в двойную оппозицию: с одной стороны, он противопоставлен простому аффиксу как единица более протяженная по форме, с другой стороны — сочетанию аффиксов, являющихся результатом последовательного словообразования, как единица, простая по семантике. В то же время сложный аффикс, как правило, тождествен простому аффиксу семантически и последовательности аффиксов фонологически. Асимметрия означающего и означаемого сложного аффикса, который характеризуется сложной формой, но простой семантикой, объясняется определенной автономией двух сторон языкового знака.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 248 с.
2. Потиха З.А. Современное русское словообразование: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1970. 384 с.
3. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 151 с.
4. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419-442.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1985.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. II. М.: Русские словари, 1994. 523 с.
7. Паццокова О.А. Семантическая нейтрализация в глаголах на *-нича/ть/* как условие формирования протяженной морфемы // Русский язык в школе. 2010. № 12. С. 44-51.
8. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 221 с.
9. Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования / Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 264 с.
10. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Структура славянской морфемы в синхронном и диахроническом аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации: Сб. докладов / Отделение литературы и языка АН СССР; Советский комитет славистов; Отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 190-206.
11. Гимпелевич В.С. Структурные модификации заимствованных суффиксов в русском языке // Русское словообразование. Вып. № 209. Самарканд, 1971. С. 206-213.
12. Реформатский А.А. О членимости слова // Развитие современного русского языка, 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. С. 5-13.
13. Пастушенков Г.А. Так называемые «сложные» суффиксы в современном русском языке // Филологические науки. 1974. № 1. С. 53-64.
14. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология: Учебник для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. Изд. 4-е. М.: Просвещение, 1973. 432 с.

15. Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. 118 с.

16. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 316 с.

REFERENCES

1. Azarh, Ju.S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushhestvitel'nyh v istorii russkogo jazyka* [Word-Formation and Change of Nouns in the History of the Russian language]. Moscow: Nauka publ., 1984. 248 p. (in Russian).

2. Potiha, Z.A. *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: Posobie dlja uchitelja* [Modern Russian Word-Formation: teacher's guide]. Moscow: Prosveshhenie publ., 1970. 384 p. (in Russian).

3. Krushevskij, N.V. *Oчерк науки о языке* [Outlines of Linguistic Science]. Kazan, 1883. 151 p. (in Russian).

4. Vinokur, G.O. Russian word-formation outline. *Izbrannye raboty po russkomu jazyku — Selected Works on the Russian Language*. Moscow: Uchpedgiz publ., 1959. Pp. 419-442 (in Russian).

5. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language in Four Volumes] Editor-in-chief A.P. Evgenieva. Moscow: Russkiy Yazyk publ., 1981-1985 (in Russian).

6. *Tolkovij slovar' russkogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language in four volumes] Edited by D.N. Ushakov. II volume. Moscow: Russkiye Slovarei publ., 1994. 523 p. (in Russian).

7. Пацукова, О.А. Semantic neutralization in verbs ending with “-нича/ть/” as a condition of extended morpheme forming. *Russkij jazyk v shkole — The Russian Language in School*. 2010. No. 12. Pp. 44-51 (in Russian).

8. Uluhanov, I.S. *Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i ih leksicheskaja realizacija* [Units of Word-Formation System of the Russian Language and Their Lexical Realization]. Moscow, 1996. 221 p. (in Russian).

9. Krjuchkova O.Ju. *Reduplikacija kak javlenie russkogo slovoobrazovanija* [Reduplication as a Phenomenon of Russian Word-Formation] Edited by L.I. Barannikova. Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj universitet publ., 2000. 264 p. (in Russian).

10. Lopatin, V.V., Uluhanov I.S. Slavic morpheme structure in synchronic and diachronic aspects. *Sb. dokladov. X Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov «Slavjanskoe jazykoznanie»*. [Collection of reports of X International Slavist Convention «Slavic Linguistics»] editor-in-chief N.I. Tolstoy. Moscow: Nauka publ., 1988. Pp. 190-206.

11. Gimpelevich, V.S. Structural modifications of borrowed suffixes in the Russian language. *Russkoe slovoobrazovanie — Russian Word-Formation*. Samarkand, 1971. No. 209. Pp. 206-213 (in Russian).

12. Reformatskij, A.A. About word segmentation. *Razvitie sovremennogo russkogo jazyka — Modern Russian Language Development*, 1972. Moscow: Nauka publ., 1975. Pp. 5-13 (in Russian).

13. Pastushenkov, G.A. So called “complicated” suffixes in modern Russian language. *Filologicheskie nauki — Philological Science*. 1974. No. 1. Pp. 53-64 (in Russian).

14. Gvozdev, A.N. *Sovremennij russkij literaturnyj jazyk* [Modern Russian Literary Language]. Part I. Phonetics and Morphology. Fourth edition. Moscow: Prosveschenie publ., 1973. 432 p. (in Russian)

15. Shirshov, I.A. *Mnozhestvennost' slovoobrazovatel'noj motivacii v sovremennoe russkom jazyke* [Plurality of Word-Forming Motivation in Modern Russian Language]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don State University publ., 1981. 118 p. (in Russian)

16. Lopatin, V.V. *Russkaja slovoobrazovatel'naja morfemika: Problemy i principy opisanija* [Russian Word-Formational Morphemics: Problems and Principles of Description]. Moscow, Nauka publ., 1977. 316 p. (in Russian)